

ГОВЕРДОВСКИЙ В. И.

ДИАЛЕКТИКА КОННОТАЦИИ И ДЕНОТАЦИИ
(Взаимодействие эмоционального и рационального
в лексике)

Как и в других отраслях знаний [1—6], проблема рационального и эмоционального и соотносимая с ней проблема конкретно-чувственного и абстрактного находит место в языкознании. Немногочисленные языковедческие работы, однако, имеют общий характер и склоняются к философскому осмыслению этой проблемы [7—12]. Между тем было бы крайне привлекательно рассмотреть взаимоотношение эмоционального и рационального на конкретном языковом материале. Тем самым абстрактные философские категории получили бы конкретно-материальное воплощение.

В качестве такого материала в настоящей статье рассматриваются морфемы русского языка. При необходимости привлекался для сравнения и материал украинского языка. Аффиксы оказались удобными для анализа потому, что они воплощают в себе двойное отношение человека к миру: рациональное и эмоциональное.

Термин «денотация» употреблен здесь в общепринятом в лингвистике смысле, идущем из логики и философии, — как основное логико-информативное содержание языковой единицы [13—15]. Что касается коннотации (созначений), то, отвлекаясь от ее исследований в других науках [16—27], подчеркнем, что в последнее время ее сфера в собственно лингвистике сильно расширилась: выйдя далеко за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок, в которых она начинала свое существование [28—43], она захватила уже социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, так или иначе отражающиеся в языке [44—45]. Психологической основой коннотации являются ассоциации. К настоящему времени в лингвистике выделены с достаточной четкостью группы коннотаций, существование которых обусловлено различными причинами: ситуативно-психологическими (коннотации ироничности, эвфемистичности, мелиоративности, пейоративности, усиления), социально-лингвистическими (коннотации жаргонистичности, разговорности, книжности), локальными (коннотация диалектности), культурными (коннотации идеологичности, культуры) и собственно языковыми (коннотации новизны, иноязычности, архаичности, терминологичности) [56]. Коннотативность понимается здесь как выраженность в служебной морфеме именно эмоционального в противоположность рациональному содержанию, заключенному в служебной морфеме.

Предметом рассмотрения в статье не являются чисто денотирующие функции служебной морфемы, но только такие, семантика которых включает в себя различные пропорции «предметного» и «чувственного» содержания. Актуализация этого содержания служебного аффикса происходит в сочетании с корневым аффиксом, который в силу этого выступает как бы в качестве минимального контекста для служебной морфемы.

Диалектику коннотации и денотации можно показать на примерах морфологического состава различных частей речи. Так, преф. прилагательных *небез-/небес-* мы можем определить как биморфему, выражающую умеренную, но достаточную степень признака: *небездарный, небезсправный, небезупречный*. Это денотативная характеристика. Она показывает логическую направленность значения приставок и вызывается рациональными потребностями передачи информации. Напротив, коннотация

показывает направленность не значений, а созначений (добавочных значений) слов. Коннотативная характеристика идет не от рациональной, а от эмоциональной сферы психики говорящего. В данном случае — это эвфемистическая направленность созначений префиксов, когда не хотяя прямо говорить об отсутствии у человека некоторой способности или признака, а выражают это иным языковым способом, но не искажая денотативной направленности подразумеваемого.

С другой стороны, приставка существительных и глаголов *пере-* не может считаться коннотативно-усилительной, ее значение денотативно-усилительное (*перегрев, переутомление*), т. к. она выражает чрезмерную интенсивность самого действия, но не эмоциональное отношение говорящего к этому действию. Коннотативное же усиление наступает тогда, когда морфема не оказывает «физического» воздействия на денотат, оставаясь на уровне эмоций говорящего, как это происходит с глагольной приставкой *на-* (в сочетании с приставной *по-*): *понаписать, понавезти, понастроить*. Здесь происходит усиление только коннотации, чувств говорящего, потому что денотативно слова *понаписать* и *написать, понавезти* и *навезти, понастроить* и *настроить* равноценны.

Уже из этих предварительных примеров видно, что служебная морфема может оказывать воздействие как на само значение корневой морфемы и производить новый денотат как элемент рационального содержания, так и на созначение и производить новый коннотат как элемент эмоционального содержания, а также то и другое одновременно. В первом случае она будет называться денотирующей, во втором — коннотирующей, или обобщенно коннотемой. Коннотема как абстрактная (инвариантная) единица языка, стоящая в одном ряду с другими эмическими типами (фонемой, морфемой, лексемой, семемой), соотносится с соответствующей единицей плана содержания — коннотатом.

Перечисленные выше виды коннотаций являются вследствие этого коннотатами. Рассмотрим теперь их реализацию. Для контраста, однако, приведем сначала пример денотирующего префикса. Приставка *сверх-*, сохраняя благодаря связи с омонимом-наречием прозрачную внутреннюю форму, усиливает степень признака денотативно, но не коннотативно. Так, по сравнению со словами *короткий, мощный* у слов *сверхкороткий, сверхмощный* меняется денотат, потому что мы одинаково можем сказать *очень короткий* и *очень мощный*, но в этих словах, как видно, никакой коннотации нет. Другое дело со словом *ультракороткий*, встречающимся в устной речи. Неясная для среднего носителя русского языка этимология заимствованной приставки уже коннотирует, а не только денотирует слово, придавая ему некоторый налет иноязычности и новизны на первых порах освоения его слушающим. Здесь, однако, важно отметить, что данные служебные морфемы, производя какой-либо вид коннотации в слове, одновременно изменяют и денотат. Этот последний случай особенно интересен в ракурсе соотношения коннотации и денотации.

Так, мы говорим о коннотации мелиоративности не во всех случаях, когда слово имеет суффиксы, называемые обычно уменьшительно-ласкательными. Эти суффиксы можно условно разделить на два класса. Одни из них «уменьшают» сам предмет, например, суф. *-инк(а)*: *крупинка, лысинка, дождинка* (ср.: *лысина, дождина* и более наглядно в украинском: *ікринка, пиліна, піщина*). Суффиксы этого класса можно назвать денотативно-уменьшительными. Собственно коннотации они не создают. Они модифицируют тот же денотат.

Другой же класс составляют суффиксы коннотативно-уменьшительные, или мелиоративные. Это тот же суф. *-инк(а)* в словах *шпротинка, горчинка* и т. п., *-ик* в русском и украинском языках или суф. *-иц(а)* в русском языке. В то время как *-ик*, подобно суф. *-инк(а)*, одинаково может быть и денотативно-различительным, и коннотативным (ср. *братик*), суф. *-иц(а)* в русском языке более коннотативен, чем денотативен (ср. *сестрица*), а в украинском *-иц(я)* исключительно коннотативен, т. е. предметной уменьшительности не выражает, а заключает в себе чистую мелиоративность: *сестриця, земляця, крупиця*.

В современном русском языке суф. *-иц(а)* в большинстве случаев лишён коннотативной функции, признака уменьшительности он четко не выражает, хотя по традиции и продолжает считаться уменьшительным, как, например, в слове *рыбица*. Можно в связи с этим поставить вопрос: если этот суффикс в словах *белорыбица* и *безрыбица* не выражает денотативной уменьшительности (а это именно так), то может ли он ее выражать в слове *рыбица*? Очевидно, нет. Но в чем тогда различие между *рыбицей* и просто *рыбой*? При исчезновении денотативной уменьшительности (в диахронии) остается, однако, уменьшительность коннотативная, что и позволяет, например, назвать *сестрицей* старшую сестру. Ср. также слова *просьбица*, *девица*, *непогодица*, *метелица*, где «уменьшительность» сводится лишь к коннотации.

Эти примеры показывают, что непроходимой грани между коннотацией и денотацией не существует: в диахронии могут быть взаимопереходы. При высокой частотности использования лексемы или морфемы коннотация может исчезать или переходить в денотацию. Очевидно, иллюстрацией этого служит суф. *-ух(а)* в русских словах *молодуха* и *старуха*, где первое коннотативно (коннотация разговорности), а второе только денотативно. Украинское *молодуха* также коннотативно (коннотация диалектности), потому что противопоставляется литературному *молодиця*. С другой стороны, в ходе функционирования лексической единицы может происходить усиление коннотации (ср. укр. *свекруха*) [57].

Диалектика коннотации и денотации прослеживается на взаимоотношении терминов и терминологизированных слов с коннотирующими суффиксами. Если первые выражают понятия, т. е. являются строго денотативными и с трудом терпят эмоциональность, то вторые, помимо воплощения рационального понятия, несут еще и общеязыковые значения, которые уже допускают коннотацию. Это терминоподобные слова, представленные также и в общем употреблении, например, с «престижным» сейчас суф. *-ир*: *синтезировать*, *анестезировать*, *экспедировать*. Распространенные в общеязыковой среде, эти так называемые термины получают значения, а следовательно — и созначения. Так, в общем употреблении могут использоваться слова: *синтезировать* (со словом *опыт*), *импровизировать* — не только по отношению к музыке или сценической постановке, *торпедировать* — по отношению к переговорам и т. д. Использование таких лексем вне терминологического контекста позволяет усмотреть в них нетерминологическое содержание, а в речи — коннотацию, идущую от их параллельного употребления как терминов. Эти коннотации суть собственно впечатления от таких слов как более «строгих», «престижных» и, следовательно, наиболее действенных (независимо от того, осознано или не осознано это говорящим). Тем самым и определяется выбор терминологично-коннотативных слов в речи. Причина всеобщей экспансии технического языка, о которой сейчас много пишут, заключается не столько в экстралингвистических факторах (всеобщая грамотность, научно-технический прогресс), сколько в большей коммуникативной действенности терминологизированных слов, которые сочетают в себе четкость денотативно-рационального содержания и легкость коннотативно-эмоционального. Суть коннотации как психолингвистического явления состоит именно в том, что она вносит в речь легкость и разнообразие, а в сознание говорящего — оживление, становящееся особенно привлекательным в нейтральном контексте.

В группе слов с суф. *-ир* в русском и украинском языках при изменении суффикса меняется и денотат. Ср. русск. *газировать* — *газовать*, *командировать* — *командовать*, укр. *репетировати* — *репетувати* («громко кричать»). Среди 170 слов русского языка с этим суффиксом [58] только одно (как термин) не изменило денотата: *пеленгировать* — *пеленговать*, но при изменении денотативной направленности (при употреблении слова как нетермина) возникает и коннотация (*Тебя вчера запеленговали там-то с той-то*). Проблема взаимосвязи коннотации и контекста требует специального рассмотрения.

В украинском языке большинство глаголов этой группы не принимает *-ир* (ср. русск. *планировать* — укр. *планувати*, русск. *формировать* — укр. *формувати* и т. д.), поэтому русские коннотативно различные *пеленговать* и *пеленгувать* передаются на украинский однозначно — *пеленгувати*, и, следовательно, в отношении коннотации украинская лексема более насыщена, т. к. объединяет в себе и терминологичность одного, и разговорность другого русского слова. Отсюда, кстати, следует, что проблемы выразительных возможностей языка непосредственным образом входят в сферу исследования коннотации. Так, в украинском имена существительные с денотирующим суф. *-инн(я)* (*буракиння* «свекольная ботва»), *квасолиння* («стебли фасоли») или прилагательные с денотирующим преф. *за-* (*завеликий* «большого, чем нужно, размера», *заширокий* «шире, чем нужно») не находят в русском языке однословного эквивалента. Подобные слова, когда они переводятся описательно, обычно называют безэквивалентной лексикой.

Факт отсутствия денотативно эквивалентной лексики не является указанием меньшей гибкости данного языка. Например, отсутствие в украинском языке слова *оговориться* не дает основания для подобных умозаключений. Иное дело, если мы замечаем, что в русском языке существует к этому слову коннотативный синоним *обмолвиться* (коннотация архаичности). Именно здесь, при наличии дополнительных коннотативных возможностей мы можем говорить о тонкостях в строгом смысле, потому что оба русских слова украинский передает только денотативно: *помилитися на слові*. Точно так же не говорят ни о каких преимуществах ни русское *благодарить*, ни его украинский денотативный эквивалент *дякувати*. Вопрос денотативной адекватности возникает лишь тогда, когда существует потребность передать слово *благодарствовать*, для которого *дякувати* оказывается коннотативно недостаточным. Коннотативную недостаточность или ее преобладание можно найти сравнением слов в любом языке. В том же украинском языке слову *парубота* денотативно адекватны русские слова *парни*, *юноши*, *ребята*, но пейоративная и ироническая коннотации по-русски невыразимы.

Между тем отдельные примеры как будто показывают, что речь идет о денотации, а не о коннотации, например, у русских слов с суф. *-яга*: *ветряга*, *сотняга*, *штормяга*. В самом деле, ведь *ветряга*, *штормяга* — это слова, отличные от слов *ветер* и *шторм* не только коннотативно, но и денотативно, т. к. выражают чрезвычайно ветренную или штормовую погоду. Несомненно, между этими словами имеется денотативное отличие, но оно тесно связано с коннотирующим действием суффикса. Дело в том, что денотаты у слов *шторм* и *ветер* представляют сами по себе «силы природы», и усилительная коннотация суффикса, накладываясь на денотат, еще более усиливает это значение. Сравним примеры, где коннотация представлена в «чистом» виде, потому что денотат нельзя усилить: *холостяга* (холостяком нельзя быть в большей или меньшей степени, а если это бывает, то относится уже к области этики или морали), *сотняга*, *парняга* и т. д. Поэтому суф. *-яга* здесь прежде всего коннотативен, а изменение денотата основы — это следствие, вторичное явление. Указанный суффикс выражает чувства говорящего, старающегося в речи охарактеризовать предмет эмоциональнее. Менее характерно для этого суффикса изменение одного лишь денотата. Подобные примеры снова говорят о диалектической связи денотации и коннотации. Если сравнить *тудяга*, *хитряга*, *шустряга*, где коннотация и денотация существуют неразрывно, то трудно решить — что здесь преобладает.

В то же время нельзя сказать про *дельягу*, что он по деловым качествам превосходит *дельца*. Здесь после вычета денотатов остается чистая коннотация. Подобно этому остается одна коннотация, если отнять у слов *коняга*, *парняга*, *чертяга* денотаты *конь*, *парень*, *черт*.

Есть, правда, два примера, где денотаты формально (т. е. морфологически) не поддаются вычитанию: *бодяга* и *бродяга*. Этот случай показывает, что коннотативные качества суффикса могут «растворяться» в морфологических основах. В то же время все приведенные примеры

подтверждают коннотативную производность суф. -яга. Ведь именно благодаря коннотативным свойствам этого суффикса было образовано и получило широкое распространение в шестидесятые годы новое слово *стиляга*, где, как и в слове *бродяга*, денотация и коннотация ни формально, ни содержательно неразделимы.

Взаимодействие коннотации и денотации можно наблюдать на примере префикса прилагательных *про-* в словах типа *прозападный*, *проамериканский*. Вполне очевидно, что слова *западный* и *американский* сами по себе, вне сочетаний, исключительно денотативны. С прибавлением к ним приставки *про-* их денотативная соотнесенность меняется: у них уже такой денотат, который непосредственно не относится ни к «западному», ни к «американскому». Такой переориентации сопутствует коннотативность, т. к. «включается» менее частотное «второе» прочтение: идеологическое. Возникает коннотация идеологичности. Что же касается собственно политической лексики, например, слова *фашистский*, то его денотат сам идеологичен, точнее, в нем мощная коннотация полностью поглотила денотат, поэтому появление дополнительного коннотирующего признака в виде приставки *про-* не производит здесь ожидаемого коннотативного эффекта.

Рассмотрим теперь приставку *пре-* прилагательных. Вполне очевидно, что при соединении этой приставки со словами *глубокий*, *добрый* и т. д. мы изменяем тем самым денотат (изменение происходит количественное: *предостаточный*, *преглубокий*, *предобрый*). Но, как и в предыдущем примере с приставкой *про-*, здесь возникает также и новое качественное отношение говорящего к денотату: налет фольклористичности и архаичности.

В отличие от служебных морфем, оказывающих на морфологическую основу в одних случаях денотативное и коннотативное воздействие и только коннотативное — в других¹, встречаются и более сложные случаи взаимодействия коннотации и денотации. Так, русский и украинский суф. *-аст(ый)*, *-яст(ый)* отличаются от *-ат(ый)* коннотацией усиления, но трудно решить, что он больше «усиливает», — сам денотат или отношение говорящего к денотату. Затруднительность ответа обусловлена тем, что подобные слова приближаются по своему характеру к разряду оценочной лексики. Если оценка является в данных случаях основным назначением слов, то, видимо, этот признак становится денотативным. Однако оценка говорящего может быть и в том, и в другом случае одинакова. Еще труднее решить — насколько денотат и коннотат (они здесь едины) различны в словах *языкатый* и *языкастый*. Языковой опыт говорящих оказывается здесь бесполезным. Теоретически же можно только высказать предположение, что *языкастый* экспрессивнее, чем *языкатый* (коннотация усиления). В таких случаях разграничение может быть установлено при помощи психолингвистических методик. Наконец, провести коннотативно-денотативное различие слов *мордатый* и *мордастый* совершенно невозможно. Ср. также: *губастый* — *губатый*, *брюхастый* — *брюхатый*. Указанные случаи, видимо, относятся к неупорядоченным явлениям в языке (в аспекте рассматриваемой темы), поскольку языковая тенденция здесь еще не определилась. Практическая же целесообразность параллельного существования этих суффиксов необъяснима ни семантически, ни стилистически.

Очевидно, первопричину неравнозначности рассматриваемых слов можно объяснить статистически: первые слова менее частотны, а так как коннотативный эффект обратно пропорционален частотности (исходя из общей закономерности соотношения стимула и реакции), то объяснение в конечном счете лежит в коннотативной плоскости. Если языковая интуиция говорящего не всегда проводит различие между подобными единицами лексики, то компетенция лингвиста позволяет усмотреть в них слабую коннотативную диспропорцию. Остается только решить,

¹ Напомним, что чисто денотирующее воздействие служебных морфем здесь не рассматривается. Примеры такого рода многочисленны и хорошо известны.

насколько коннотативная неравнозначность пар отражается на их денотативном расхождении: ведь в оценочных словах денотация и коннотация практически нерасчленимы.

В теоретическом плане этот вопрос касается принципов выражения в языке/речи категорий субъективного и объективного. Субъективность решений свидетельствует, видимо, о принципиальной ориентированности на психолингвистические процедуры. В рамках диалектического мышления важен учет эмоциональной сферы психики субъекта: исследование семантики речи невозможно без учета диалектической связи рационального и эмоционального, особенно в случаях, непосредственно относящихся к лингвопрагматике.

При рассмотрении данного языкового материала бросается в глаза любопытный случай, когда коннотат в эмическом представлении (т. е. различные коннотативные варианты одной морфемы) может оказывать на денотат морфологической основы двоякое влияние. Сравним несколько слов с коннотирующим суф. *-еньк(ий)*: *бледенький*, *голенький*, *кругленький*. С денотативной точки зрения *кругленький* может быть не совсем круглым, *бледенький* может быть не совсем бледным, а скорее всего — не может быть совсем бледным, иначе мы так и сказали бы: *бледный*, однако *голенький*, вопреки этому обязательно будет голым. Но если *голенький* и *голый* означают одно и то же, то в чем же тогда различие их денотатов?

Из первых двух случаев видно, что с прибавлением к денотату-основе коннотата-морфемы *-еньк-* изменяется и сам денотат, в то время как в последнем этот коннотат не оказывает никакого воздействия. Таким образом, коннотативный подход помогает различать слова, имеющие один денотат. Например, с точки зрения денотации различие слов *толстенький* и *толстоватый* не поддается объяснению. Точно так же мы не можем сказать, где именно лежит граница между *тепловатый* и *тепленький*. Их различие не поддается объяснению и дистрибутивно.

Различие, видимо, лежит в коннотативной области. Представляется, что качественные имена прилагательные с суф. *-оват(ый)*, *-еват(ый)*, а также полностью идентичные им украинские *-уват(ий)*, *-юват(ий)*, отличаются от прилагательных на *-еньк(ий)*, *-оньк(ий)* некоторым налетом эвфемистичности, когда, например, не хотят открыто сказать *бледный* и коннотативно усиленное (жалостливое) *бледенький*, а говорят эвфемистическое *бледноватый* (*Вы немного бледноваты сегодня*).

Тесное взаимодействие коннотации и денотации характерно и для прилагательных на *-ущ(ий)/-ющ(ий)*. Так как этот суффикс присоединяется к основам, обозначающим размеры, то вместе с коннотацией происходит изменение денотации, ср.: *длиннющий*, *толстющий*, *худющий*.

Подобно этому суффиксы прилагательных русск. *-ёшеньк(ий)*, *-ёхоньк(ий)*, украинск. *-есеньк(ий)*, укр. *-ісіньк(ий)*, *-юсіньк(ий)*, являясь онтологически коннотирующими, одновременно с усилением коннотации изменяют денотацию. Не случайно эти суффиксы традиционно считаются уменьшительно-ласкательными. Практически отделить здесь сферу эмоционального от рационального также затруднительно. Теоретически же такое разделение возможно. Особенно наглядно это удастся сделать сравнением однородной лексики в двух языках. Так, выше говорилось о приставке *пона-* в русском языке, которая усиливает лишь коннотацию. Напротив, в украинском языке при удвоении приставки *по-* усиливается большей частью и коннотация, и денотация. Эта приставка изменяет в первую очередь само значение, т. к. она направлена прежде всего на изменение интенсивности действия и лишь как следствие — чувства говорящего. Только в этом аспекте указанная приставка выступает как коннотат: ср. укр. *попобігати* «долго бегать», *попоносити* «долго или много носить», *попоїсти* «перекусить, немного поесть».

В последней группе примеров, как и во многих предыдущих, различие коннотации и денотации в речи не выражено так четко. Ведь реально при изменении денотативной соотнесенности слова у говорящего, как правило, возникают и новые индивидуальные отношения к другому де-

нотату. Человек — не бесстрастный генератор информации, и процесс ее передачи не может обойтись без оценки ее содержания. Этот тезис подкрепляют, далее, приставки глаголов: русск. *раз-/разо-/рас-/разъ-* и укр. *роз-/рози-*, под действием которых некоторые глаголы получают коннотацию разговорности при одновременном денотативном изменении [русск. *разодеть, разъезжать, разукрасить*, укр. *разгодувати (раскормить), розкритикувати, розхвалити*]. Выбор слова *разодеть* вместо *одеть*, *разукрасить* вместо *украсить* и т. п. продиктован как намерением показать иное, несколько отличное денотативное содержание, так и чувствами говорящего, отношением его к этому новому денотату.

Среди коннотативных суффиксов есть и такие, которые изменяют денотат только в количественном отношении (ср. преф. *пре-*). К таким суффиксам относятся русский *-ну(ть)* и тождественный ему украинский *-ну(ти)*, усиливающие коннотативные признаки, уже прежде заложенные в основах: *стегать* — *стегануть*, *плескать* — *плескануть*, *хватать* — *хватануть*, укр. *штовзати* — *штовзонутти*. При усилении коннотации разговорности вторых слов происходит видоизменение денотата (действие становится однократным вместо многократного), но собственно изменения денотации не происходит: *стегануть* и *стегать* можно с одинаковой интенсивностью, а несколько раз *хватать* или *толкать* можно даже сильнее, чем один раз *хватануть* или *толконуть*. Речь, следовательно, идет только об усилении коннотативном.

Итак, рассмотренный материал дает основание, во-первых, для лингвистического обобщения. Семантическая характеристика производной лексемы, придаваемая присоединенным аффиксом, может быть коннотативной (эмоциональная функция) или денотативной (логическая функция; ср. функции языка как такового). Можно выделить, по меньшей мере в славянских языках, такие производные лексические значения, где коннотация и денотация реализуются присоединением одного и того же аффикса. Синкретизм в значении лексемы-derivата здесь противопоставлен случаям, где коннотация и денотация находятся в дополнительной дистрибуции. С другой стороны, воспроизведение разных служебных морфем в тождественном окружении создает основу для представления коннотаций как этических характеристик (ср. коннотации разговорности, пейоративности и иронии, сообщаемые коннотемой *-ка* словам *рубака, кривляка, вояка*), в отличие от этических представлений коннотации (ср. коннотат разговорности у приставок *на-, по-, под-, раз-, про-, пере-*, присоединяемых к нейтральной основе *делать*). Возможность распределения материала по принципу «эмизируемости» показала уместность инвариационной методики исследования.

Рассмотренный материал позволяет сделать также обобщение, выходящее за рамки собственно лингвистики в стилистику речи и прагмалингвистику: представленные типы взаимоотношений служебного аффикса и основы показали диалектику взаимоотношений их содержания. Ведь при каждом морфологическом изменении слова происходит качественные изменения его значения — денотативное и/или коннотативное. Эти сложные типы семантических взаимоотношений морфем, служебной и основной, убеждают, что исследования лексической семантики в речи не будут полноценными без рассмотрения диалектической связи эмоционального и рационального, потому что между коннотацией и денотацией нет абсолютного противопоставления.

Наконец, представленный материал можно рассматривать и использовать в прикладных аспектах: параллельные примеры из близкородственных языков с неодинаковым распределением коннотаций в аффиксах и основах, возможно, привлекут внимание теоретиков художественного перевода. Лексикографический аспект рассмотренной проблемы требует особого обсуждения. Кроме того, коннотационная тематика исключительно важна для практического курса русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения.

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1958.
2. Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М., 1980.
3. Искусственный интеллект и психология (Гл. «Эмоции и интеллект»). М., 1976.
4. Панов В. Г. Чувственное, рациональное, опыт. М., 1976.
5. Гула В. Л. Диалектика эмоционального и рационального в морали. Тбилиси, 1976.
6. Творческий процесс и художественное восприятие. М., 1978.
7. Папфилов В. Э. Взаимодействие языка и мышления. М., 1971.
8. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке (Гл. «Коммуникация и прагматика языка»). М., 1975.
9. Безруков В. И. Значение как выражение единства чувственного и рационального.— В кн.: Некоторые вопросы лексикологии и грамматики. Тюмень, 1960.
10. Klaus G. Sprache der Politik. § 4. Berlin, 1971.
11. Kirchgässner W. Probleme der Einheit von rationalem und emotionalem in der natürlichen Sprache.— In: Proceedings of the 15-th World congress of philosophy. 5. Sofia, 1975.
12. Jacobsen E. Language and emotion.— In: Pragmalinguistics. The Hague, 1979.
13. Russel B. On denoting.— In: Contemporary philosophical logic. New York, 1978.
14. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы (Гл. «Язык»). М., 1957.
15. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
16. Милль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной. Гл. 11, § 5. М., 1899.
17. Kripke S. A. Naming and necessity. Oxford, 1980.
18. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
19. Szezőwski T. Connotation and denotation.— In: Semiotics in Poland. 1894—1969. Dordrecht—Boston—Warsaw, 1979.
20. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных.— В кн.: Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
21. Сотиров В. Вещные коннотации — навиг или неизбежность.— В кн.: Философская мысль. Кн. 4. София, 1981.
22. Барт Р. Основы семиологии.— В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
23. Spinner K. N. Die Aporien des Konnotationsbegriffes in der Literatursemiotik.— In: Literatursemiotik. I. Tübingen, 1980.
24. Курене Б. Соотношение денотативного и коннотативного как показатель эмотивной насыщенности художественного текста.— *Kalbotyra*, 1980, т. 31 (3).
25. Osgood Ch., Susi G. J., Tannenbaum P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.
26. Behavioral and neural analyses of connotative meaning.— In: Brain and language, 1980, v. 11, № 2.
27. Olson D. K. On language and literacy.— In: International journal of psycholinguistics, 1980, v. 7, № 1—2.
28. Sperber H. Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn—Leipzig, 1923.
29. Erdmann K. O. Die Bedeutung des Wortes. Leipzig, 1925.
30. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
31. Akhmanova O. S. Linguostylistics. Theory and method. Ch. 2. Moscow, 1972.
32. Heise D. Social status, attitudes and world connotations.— In: IJAL, 1967, v. 33, № 4.
33. Arnold J. V. The English Word. Moscow, 1973.
34. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
35. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
36. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
37. Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., 1980.
38. Ризель Э. Г. Стилистическое значение и коннотация.— В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ, 1980, вып. 158.
39. Шаховский В. И. К типологии коннотации.— В кн.: Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.
40. Павлова Н. М. Стилистические коннотации как компонент адекватности перевода.— Тетради переводчика, 1977, вып. 14.
41. Schippan Th. Zum Problem der Konnotation.— Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1979, Bd. 32. Hf. 6.
42. Indries A. «Poetic» words and their semantic field of connotation.— *Revue roumaine de linguistique*, 1979, t. 24, № 5.
43. Stejrková S. Konotační aspekty lexikálního významu.— *SaS*, 1980, ř. 41, č. 1.
44. Блумфильд Л. Язык. М., 1964.
45. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
46. Rossipal H. Konnotationsbereiche, Stiloppositionen u. sog. Sprachen in den Sprachen.— *Germanistische Linguistik*, 1973, № 4.
47. Molino J. La connotation.— *La linguistique*, 1974, fasc. 1, v. 7.
48. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
49. Евсеев И. Коннотативные значения в толковых словарях.— In: *Studii de lingvistica*. Timişoara, 1976.

50. *Гельгардт Р. Р.* Лексические единицы и устойчивые словосочетания в связи со смысловым восприятием высказывания.— ФН, 1978, № 5.
51. *Пашковский А. А.* Коннотативное развертывание в японском языке.— В кн.: Японское языкознание. М., 1979.
52. *Lankamer В.* Коннотация, валентность, интенция в работах советских языковедов.— *Slavia orientalis*, 1978, № 3.
53. *Говердовский В. И.* История понятия коннотации.— ФН, 1979, № 2.
54. *Алексеев А. Я.* Стилистическая информация языкового знака.— ФН, 1982, № 1.
55. *Bochmann К.* Zum theoretischen Status and operativen Wert der Konnotation.— In: *Linguistische Arbeitsberichte*, 1974, 10.
56. *Говердовский В. И.* Опыт функционально-типологического описания коннотации: Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1977.
57. *Сучасна українська літературна мова. Стилїстика.* Київ, 1973.
58. *Обратный словарь русского языка.* М., 1974.